

Ученый, художник, человек

Доктор физ.-мат.наук, профессор В.Г.Курт (ФИАН)

Любые воспоминания или мемуары являются всегда субъективными. Часто они пишутся больше о себе и своих переживаниях, чем о человеке, которому посвящены. Вместо «Он и Мы», читатель получает «Я и Он». Наверное, я тоже не избегу этого порока и заранее прошу простить мне его. Читатель должен будет провести некоторую умственную работу, чтобы отфильтровать ту часть моего сочинения, которая касается Иосифа Самуиловича Шкловского, а не меня. Я, однако, старался писать честно и искренне, хотя, быть может, и не обо всем. Меня так много связывало с И.С.Шкловским, в наших отношениях, не всегда безмятежных и простых, было так много нюансов, что я не мог все это описать на нескольких страницах через 30 лет после его кончины.

Да я и не знаю, все ли бумага терпит, можно ли на нее выплеснуть всю свою боль и отчаяние, не оставляющие меня со дня его смерти, хотя прошло уже больше 30 лет. Я до сих пор говорю: «Его стол, его комната, его книга.....» . Иногда мне даже кажется, что я его вижу, идущим по коридору в Институте или навстречу мне на улице.

Я познакомился с И.С.Шкловским, тогда профессором ГАИШ МГУ, в 1952 году, когда учился на втором курсе Астрономического отделения мехмата МГУ. Тогда астрономическое отделение и ГАИШ принадлежали мехмат факультету. Шкловскому тогда было 36 лет, много меньше, чем мне сейчас. Занимались мы в старом здании МГУ на Моховой, а астрономические курсы слушали в старом здании ГАИШ на улице Павлика Морозова дом 5, что на Красной Пресне поблизости от Трехгорной мануфактуры. Сейчас эта улица вновь переименована в Предтеченский переулок. Тогда Иосиф Самуилович заканчивал свой цикл работ по Солнечной короне, писал свою первую книгу, принесшую ему мировую славу и скандальную известность среди поборников старой, «холодной» модели короны. Я был сразу покорен его выступлениями на семинаре ГАИШ и выигранными баталиями с «реакционерами», сторонниками «холодной» модели. Потом, лет через 20, опять появится «холодная» модель, но уже для Вселенной, и «горячая» модель как и тогда победит. Естественно, что я попросил у него тему курсовой работы по этой тематике, и два года занимался вычислениями и подготовкой аппаратуры для наблюдения солнечного затмения летом 1954 года в Невинномыске, на Северном Кавказе. Учился я, практически, на все пятерки, и мой руководитель был мною доволен, хотя никаких талантливых идей я не высказывал. На четвертом и пятом курсе И.С.Шкловский читал нам два курса—«Квантовую механику» и «Радиоастрономию». Это было прекрасно! Стилль, содержание, художественное оформление лекций,- все было на высочайшем уровне, даже выше любого уровня, не хуже, пожалуй, чем у признанного великого лектора всей Москвы незабвенного Андрея

Петровича Минакова, читавшего нам «теоретическую механику». На лекции А.П.Минакова сбегалось пол-Москвы, включая актеров столичных театров. До лекций Иосифа Самуиловича, я настоящую физику (теоретическую) знал, прямо сказать, плохо, учили нас по-мехматски, был лишь курс «Общей физики», который читал Анатолий Болеславович Млодзеевский (сын известного русского математика конца прошлого века Болеслава Корнелиевича Млодзеевского), старомодно построенный курс, но с отличными демонстрациями опытов, особенно по оптике, которые ставил сын другого великого русского физика - Умова. Под влиянием Иосифа Самуиловича я ходил на лекции для физиков, которые читал сам Ландау. Читал он плохо (для меня, по крайней мере), я мало что понимал, хотя подготовка по математическим предметам у меня была неплохая. Наконец, наступило затмение 1954 года, моя первая экспедиция. Мы ехали поездом вместе с ним вдвоем, и на вокзале я представил ему Лиду, свою будущую жену, с которой он сохранил до самой своей кончины самые лучшие отношения. Экспедиция в Невинномыск—первое мое круглосуточное общение с шефом. Это было замечательно, лучше любых лекций и семинаров. Запомнилась его фраза, которую он произнес, сразу сойдя с поезда и зайдя в пристанционный продмаг: «Уровень жизни города становится ясен после посещения любого продовольственного магазина». В магазине был лишь стандартный набор тех лет: хлеб, консервы - крабы «Chatka» и гора шоколада. «Все ясно,—сказал шеф,—это вам не Рио де Жанейро». А ведь за семь лет до того он и впрямь был в Рио и знал, о чем говорил. Тогда он тоже ездил на свое уже второе затмение (первое было в Рыбинске в 1945, кажется, году.) Затмение кончилось для всех нас печально, в момент полной фазы лил дождь и гремел гром (совсем как в Бразилии), так что мы вернулись домой, не солоно хлебавши. Как автору замечательной книги о теории Солнечной короны хотелось увидеть эту корону! И, как на зло, опять дождь! Почти через десять лет он все-таки ее увидел во всем блеске и зарисовал карандашом на листе ватмана. Это затмение мы уже не пропустили: Солнечную корону мы наблюдали с высоты 11 км на недавно появившемся реактивном самолете ТУ-104, специально переделанном для нас на фирме А.Н.Туполева. Кажется, что мы были первыми при наблюдениях с реактивного самолета Солнечного затмения. На летнюю практику шеф отправил меня в Алма-Ата наблюдать Солнечную корону и хромосферу на внезатменном коронографе тапа Лио, доставшийся нам в числе других инструментов, полученных по репарациям из Германии. Я после окончания Университета стал конструировать собственный коронограф, для вновь открываемой ГАИШем станции в горах под Алма-Атой на высоте 2500 метров. Так я на много лет пристал к высокогорным солнечным станциям: в Алма-Ата и Кисловодске. Наверное, это были лучшие годы в моей жизни: горы, коронограф, наука и наш шеф. К этому времени мы с Петей Щегловым и Вале́й Есиповым окрестили его именем «доктор». Это привилось, и он сам не обижался на такое уважаемое имя. Он был единственный и неповторимый «доктор». Начиналась эра радиоастрономии. Туда в лучезарную страну

Радиоастрономию ушли Н.С.Кардашев и Ю.Н.Парийский (теперь они оба академики), Н.С.Соболева, а потом и В.И.Слыш. И Наташи и Славы теперь уже нет в живых. Я остался при «Солнечной короне», В.И.Мороз получил в подарок все планеты Солнечной системы со спутниками в придачу, а Ю.И.Гальперин был определен к Валериану Ивановичу Красовскому в ГЕОФИАН (потом разделившейся на три Института: ИФА, ИПГ и ИФЗ). Как сказала Т.М.Мулярчик: «Он предусмотрительно развел вас всех по разным комнатам, чтобы вам не было тесно и чтобы вы не сталкивались лбами». Так все и вышло. Дружба с В.И.Красовским (он был оппонентом моей кандидатской диссертации) сыграла в моей, да и не только в моей, жизни выдающуюся роль. Именно он познакомил нас с академиком Аксель Ивановичем Бергом, заместителем Министра обороны Союза, адмиралом, директором Института НИИ-108 и просто с очень интересным и колоритным человеком. Его биография вполне заслуживает отдельной книги. А уже Аксель Иванович Берг познакомил «доктора» и всех нас с С.П.Королевым, тогда еще не академиком—в дальнейшем—СП. Визит СП в ГАИШ прекрасно описан в мемуарной «гаишевской» литературе, и я не буду здесь его повторять. Я запомнил особенно лишь повергший нас в ужас вопрос тогдашнего директора ГАИШ профессора Д.Я.Мартынова: «А вы, простите, чем занимаетесь?». Занимался же в это время СП созданием баллистической ракеты с ядерной боеголовкой и запуском первого искусственного спутника Земли. А мечтал он также о полете человека в космос и о запусках к Луне, Марсу и Венере. Начинался второй этап моей и моих товарищей по ГАИШу жизни. Впереди маячил и светился Космос. Был 1957 год.

Я закончил Университет в 1955 году и после жутких переживаний, когда меня с моей женой Лидой в конце 1955 года чуть было не распределили на Сахалин «в отдел народного образования Сахалинской Области», был оставлен в любимом ГАИШе в высокой должности старшего лаборанта с окладом в 830 рублей в месяц, для чего доктору пришлось ходить к декану мехмата, академику А.Н.Колмогорову. Все решил тогдашний директор проф. Д.Я.Мартынов, взяв меня в ГАИШ. За это я был ему всю жизнь благодарен и всегда защищал его перед доктором, отражая его нападки и нелюбезные высказывания в адрес Дмитрия Яковлевича. В августе 55г в отделе Доктора ставки для меня еще не было, и Доктор договорился с зав. кафедрой Григорием Федоровичем Ситником, что он временно возьмет меня к себе в Кучино для работы с «абсолютно черным телом ГАИШ». До нового года, т.е. 5-6 месяцев мы с моей женой Лидой и жили в Кучино на ГАИШевской обсерватории. Цивилизация туда еще не дошла, водопровода не было, воду носили из колодца в ведрах, а еду готовили на керогазе (гибриде керосинки и примуса). Я быстро справился с поставленной передо мной вычислительной задачей, совершив «революционный» переворот в вычислительной технике: операции умножения и деления я делал с помощью логарифмической линейки, а сложение и вычитание проводил с помощью ручного арифмометра Феликс.

Всю задачу я решил за месяц, вместо отведенных мне трех месяцев, за что и получил первую в моей жизни премию. А с нового 1956 года появилась ставка, и я вернулся в Москву в отдел Радиоастрономии. В нашем отделе тогда не насчитывалось и десяти сотрудников. Появились Н.С.Кардашев (из нашей же группы), П.В.Щеглов, В.Ф.Есипов, В.И.Мороз, Б.М.Чихачев (на пол-ставки), В.М. Процеров, Татьяна Лозинская, Г.Б.Шоломицкий, несколько инженеров и лаборантов. Я получил высокий пост заместителя заведующего отделом и находился в этой должности до нашего ухода из ГАИШ в 1969 г в Институт Космических Исследований (ИКИ) АН СССР. Судьба сделала нам дорогой подарок — из аспирантуры ИЗМИРАНа перевели в ГАИШ В.И.Слыша, так что окружение доктора было завершено: Н.С.Кардашев, В.И.Мороз, В.И.Слыш и я. В этой команде мы и проработали рядом всю свою жизнь.

Года два или три мы занимались по заказу СП оптическими наблюдениями ИСЗ, вначале с помощью фотографии, а потом, стараясь внести в это направление новый дух «электроники». Астрономы старой школы не разделяли наших устремлений. Помню, как на очередном совещании в ГАИШе директор Пулковской Обсерватории, интеллигентнейший академик А.А.Михайлов сказал: «Ерунда это все, в электричестве сидит бес!». Лидером в этой работе был, конечно же, В.И.Мороз. Я продолжал заниматься еще и Солнечной короной, сдавал кандидатские экзамены по философии и английскому. Помню, как доктор по телефону сказал Лиде: «Чего там готовиться к философии, знать надо всего-то, кто депутат (Шейдеман), кто ренегат (Каутский). Что проходит красной нитью через марксизм? (Учение о классовой борьбе) и Советский Союз стоит как? (Правильный ответ — как утес). Вот и вся наука». Жизнь была прекрасна.

В начале 1958 года СП поставил перед доктором новую задачу - сделать видимой в оптике ракету, запускаемую к Луне. Родился проект «Искусственная натриевая комета», также описанный в мемуарной литературе достаточно подробно. Я перестал наблюдать Солнечную корону и увлекся докторской блестящей идеей создания рукотворной кометы размером почти с Земной шар. Подготовка велась на фирмах СП и артиллериста, академика Василия Гавриловича Грабина (1900 – 1980гг) в Подлипках под Москвой. На мне «висела» вся техническая часть - создание испарителя натрия и разработка 2-х специальных телескопов с электронно-оптическим преобразователем просто с оптикой для установки их на обсерваториях и на самолетах фирмы академика А.Н.Туполева - дальнем бомбардировщике дореактивной эры ТУ-4 (отечественный четырехмоторный бомбардировщик, сдутый вплоть до цвета проводов, с американской суперкрепости Б-29). Решено было испытать всю конструкцию на ракете. СП предложил ракету Р-5 («пятерку» на нашем жаргоне) с высотой подъема 430 км. Запуск должен был состояться в августе-сентябре 1958 года, место запуска - ракетный полигон Капустин Яр

на Волге. Все было бы чудесно, если бы не секретность. Помню, как меня вытянули на полигоне из кино: «Курт, на выход!», посадили в машину и увезли в местное КГБ. А все из-за моей телеграммы, отправленной доктору с поздравлением ко дню рождения (1 июля) и вопросом о дате его прилета с аппаратурой. Надо было писать «с вещами». И пользоваться почтой только в воинской части. А я без всякого пропуска вышел за ограждение воинской части в гражданскую деревню, и с ее почты отправил злополучную телеграмму. Перед отлетом на полигон нас предупредили, чтобы мы не возили оттуда черепах, ящериц и «сексуал» (офицер КГБ имел в виду сучья саксаула), дабы не разглашать тем самым место расположения полигона. Пуск состоялся под утро 19 сентября 1958 года. Доктор прилетел вместе с СП, его замами и другими начальниками. До этого пуск отложили на месяц из-за визита на полигон самого Никиты Сергеевича Хрущева. СП меня даже представил ему! В связи с прилетом сотен начальников, Генеральных конструкторов и их свиты, нас с доктором выселили из гостиницы и поселили в казарме с двухэтажными кроватями, а в нашей комнате поселили А.Н.Туполева с персональной медсестрой. Деревья солдаты красили белой краской и мели улицы каждый день. Н.С.Хрущев произнес речь в доме офицеров.

Пуск «кометы» прошел на ура. После старта минут через пять в зените расцвело апельсинового цвета облако размером в 30°. Пуск первой в нашей жизни ракеты, (сколько их потом было!), полный триумф идеи и расчетов Доктора. Прямо на старте он обнял меня и закурил большую, толстую сигару, подаренную ему незадолго до этого не кем-нибудь, а самим ван де Холстом. Ван де Холст - это и 21 см и Солнечная корона! Тут же на полигоне доктор придумал мне тему кандидатской диссертации: «Диффузия паров натрия в верхней атмосфере Земли», которую я через полтора года успешно и защитил в ГеоФИАНЕ у В.И.Красовского.

Начались пуски станций к Луне с нашей натриевой «кометой». Успех в наблюдениях выпал на долю В.И.Мороза и В.Ф.Есипова. Они его вполне заслужили. Так как часовой механизм на Лунной станции слегка запоздал (минут на 10-20), то я выключил аппаратуру, тогда как В.И.Мороз и В.Ф.Есипов терпеливо ждали. Их терпение было вознаграждено. «Комета» сработала превосходно. Доктор получил Ленинскую Премию, а я кандидатскую степень. Ради астрономы нашего отдела осваивали большие антенны Центра Дальней Космической связи в Евпатории. Шли наблюдения в оптике, в инфракрасной части спектра, отдел рос и цвел. Начался наш Семинар. На него сбегалась вся Москва, да и не только Москва. На докладах Доктора конференц-зал ГАИШа бывал всегда набит до отказа. Что творилось на семинаре по СТА-102 (сигнал от внеземной цивилизации!), на семинаре об искусственном происхождении спутников Марса! Внеземные цивилизации влекли тогда многих: Н.С.Кардашев, В.И.Слыш, В.И.Мороз, Г.Б.Шоломицкий - все отдали дань этой «моде». Бюраканский международный семинар по цивилизациям был триумфом

Доктора и его учеников. Лучшим помощником доктора стала Надежда Слепцова. Она подбирала ему библиографию, печатала статьи, устраивала встречи с нужными людьми. Самым замечательным выступлением доктора был его доклад о связи планетарных туманностей, белых карликов и красных гигантов, что позволяло заново переопределить шкалу их расстояний и по-новому представить их эволюцию и происхождение. Я и сегодня считаю, что это одна из лучших его работ. Кажется, он и сам так считал. (см. статью Р.Гершберга в этом же издании). Нам казалось, что лучше ГАИШа ничего и не может быть. Все стали кандидатами, на пороге были докторские диссертации. ГАИШ стал нам тесен.

Надо прямо сказать, что отношения доктора с «директорами» всегда не складывались. Он был слишком яркой личностью, а любой директор— администратор с бюрократическими замашками. Явных скандалов с Дмитрием Яковлевичем Мартыновым не случилось, но постоянные трения не проходили. Зато отношения с ректором МГУ академиком Иваном Георгиевичем Петровским были самыми наилучшими. Нам хотелось иметь экспериментальную базу, делать бортовые астрономические приборы, наблюдать на больших оптических и радиотелескопах.

А Д.Я.Мартынов, наоборот, вовсе не стремился в космос. Он строил Алма-Атинскую и Крымскую станции. Это было не просто и казалось ему вполне достаточным. Наверное, он был прав. Крымская станция ГАИШ до сих пор наша опора и надежда, а Алма-Ату и Майданак «съели» новые суверенные Среднеазиатские Республики. Им там сейчас, конечно, не до астрономии. Маячит зеленое знамя ислама.

Нам надо было искать место под Солнцем, а точнее, под звездами. Доктор даже съездил в Академгородок в Новосибирск, но там ему не понравилось: «Не для белого человека!»,— сказал он после приезда. Координация всех космических исследований велась тогда через Совет по Космосу, возглавляемый Президентом АН СССР, академиком Мстиславом Всеволодовичем Келдышем. Почти еженедельно мы заседали в Отделении Прикладной Математики (ОПМ) на Миуссах, и Доктор там блистал в окружении Генеральных Конструкторов и Директоров почтовых ящиков. М.В.Келдыш его высоко ценил и часто поручал ему экспертизу предложений перед их реализацией на ИСЗ и АМС. Достаточно вспомнить его отличную новеллу об «антивеществе академика Б.П.Константинова».

Доктор, В.И.Мороз и я приняли участие в распутывании интересных, но по началу совершенно непонятных, результатов плазменных измерений К.И.Грингауза (его уже тоже нет в живых много лет). Были и другие поручения, приключения и истории. Лучше всех Доктор их сам описал в «Эшелоне».

А жизнь шла своим чередом. Все женились, обзаводились детьми. Кое-кто уже и разводился. ИСШ доставал многим прописки, квартиры,

ходил к ректору МГУ, академику Ивану Георгиевичу Петровскому, по этим неприятным делам. А «ставки», которые он доставал для всех нас: вначале мнс, потом старших научных сотрудников, потом зав. лабов. Все свои жизненные невзгоды и радости мы несли в ГАИШ к Доктору. Он был самым почетным и самым желанным гостем и тамадой на всех наших свадьбах и днях рождения, защитах диссертаций и юбилеях. Никто лучше него не командовал праздничным столом, многие события отмечались в ГАИШе в подвале в нашей столовой, где командовала Нина. Она же печатала нам статьи и пела на вечерах и праздниках. Нельзя не упомянуть и о незабвенной Вере Васильевне – зав. Первым отделом ГАИШ. Женщина блондинка замечательной красоты с пышной прической. Мы часто сидели у нее в секретном отделе, попивая чай с пирогами и ведя отнюдь не только научные разговоры. А потом она стала большим другом академика Я.Б.Зельдовича. Помню, как в 1969 году, когда я лежал в Академической больнице они вдвоем приехали навестить меня, принеся бутылку Польского «Рыцарского» сладкого вина. Я добыл три медицинских склянки, и мы, сидя на ступеньках лестницы в коридоре, выпили всю бутылку. Через пару лет Вера Васильевна трагически погибла, попав под машину около ГАИШа. Мы вместе переживали грустные и веселые события нашей жизни. Работа была продолжением дома, дом плавно переходил в ГАИШ.

Новая глава нашей жизни называется ЯБ. Для непосвященных поясню: ЯБ - это трижды Герой Социалистического Труда, один из создателей нашего ядерного оружия, академик Яков Борисович Зельдович. Великий физик нашей страны, автор десятка книг по всем направлениям теоретической физики и астрофизики. Оставив «объект», он в 1966 или 67 году появился в Москве, а вскоре после этого и в ГАИШе. Переехав в Москву, он решил заняться астрономией и выбрал себе космологию. Должность зав. отделом ему выделили в ОПМ на тех же Миуссах, где директором был Президент академик М.В.Келдыш. ЯБ был энергичен и быстро набрал себе отличных ребят: И.Д.Новикова, А.Д.Дорошкевича, Г.Б.Бисноватого-Когана, Б.В.Комберга (потом появились аспиранты Дима Компанеец, Андрей Илларионов, Миша Баско) и остальных талантливых сотрудников. Все давно уже доктора-профессора, а член-корр. Игорь Новиков был более 10 лет даже директором Института в Копенгагене (Дания). Несколько позже в этой группе появился аспирант Рашид Алиевич Сюняев (теперь он академик РАН). Работа закипела у них невиданными темпами. Прежде всего ЯБ учился астрономии сам. Почти каждый день в 6-7 часов утра у меня дома раздавался его телефонный звонок. Вопросы были кратки и четки: «Какая средняя плотность газа в Галактике? Какое расстояние до центра Галактики? Какова масса Солнца» и т.д. Спасибо, привет!» Я - по натуре «сова» и вставал часов в 8, а ЯБ—всегда в 5 или 6 утра. Но Лида бодро отвечала ему: «Конечно, встал, уже сидит и работает». До 10 утра ЯБ работал дома за столом, а потом уезжал на своей «Волге» в Институт. Когда бы я ни приходил к нему домой, там уже всегда кто-то работал: Ю.П.Райзер, И.Д.Новиков, Р.А.Сюняев. Часто он вызывал меня к себе

домой к 6 утра, когда и добраться-то на городском транспорте было невозможно. Жил он на Ленинских горах в здании рядом с институтом Химфизики. Я был заворожен этой бурной деятельностью, демократизмом ЯБ, его шутками. Никогда до этого, не занимаясь чистой теорией, мы с Р.А.Сюняевым написали с десятков статей и одну большую серьезную работу с самим ЯБ. Работу доложил в Штатах (на Техасском симпозиуме) Доктор, и она вызвала большой интерес. Самого ЯБ «за бугор» никуда не выпускали. Дружба ЯБ и доктора расцвела, и наш семинар стал «Общемосковским объединенным астрофизическим семинаром» (ОАС). Сделать доклад на семинаре считалось весьма почетным. План семинаров составлял его бессменный секретарь в течение 15 лет, сотрудник Я.Б.Зельдовича из Института Прикладной математик и тоже выпускник ГАИША Б.В.Комберг (давно уже тоже доктор наук). Бори уже тоже нет. Он трагически погиб в 2015 году. Присоединился к семинару и академик Виталий Лазаревич Гинзбург - наше третье светило, зав. теор. отделом ФИАНа после Игоря Евгеньевича Тамма. Впрочем, для Нобелевского лауреата семинар не стал самым важным делом в мире. Для нас же это был рай земной.

Доктор все годы ужасно переживал то, что его не выбирали в члены-корреспонденты АН СССР. Все-то знали, что он первый, но не выбирали. А тут ЯБ и Виталий Лазаревич вдруг сплотились с физиками, да и выбрали его. Банкет был в гостинице «Москва». Казалось, что скоро мы все там будем. ЯБ, доктор и Виталий Лазаревич — сила непреодолимая. Надо только порядок проведения всех нас в член-корры написать и реализовывать по одному из каждой группы каждые три года. В три приема всех и проведем! Помню, как на этом банкете моя жена Лида сидела рядом с академиком-секретарем нашего отделения Львом Андреевичем Арцимовичем, и он советовал ей отговорить нас переходить в ИКИ. Доктор тогда же высказал замечательную философскую мысль: «Когда меня выбрали с шестого раза, я не испытал и сотой доли той радости, с какой рвался в Академию. А вот если бы опять не выбрали, то как бы я это все переживал. Выбрали и ну, и ладно, так и должно было быть». Я потом много раз ловил себя на том же. Став член-корреспондентом, И.С.Шкловский все равно остался для нас «доктором». Традиции — великая вещь. Мы ведь работали вместе уже почти 15 лет. ЯБ очень много сделал для меня лично. Он благословил меня на докторскую диссертацию и был моим оппонентом, приглашал домой обедать. Наверное, доктор это видел и морщился, но никогда мне ничего не говорил. Лишь один раз он спросил меня: «Что, с экспериментами все покончено? Будем на машине считать и формулы писать?» Я все понял и сделал свой выбор. Родителей и шефа не выбирают и не меняют. Они даются на всю жизнь один раз.

Мы медленно диффундировали из ГАИШа в ИКИ АН СССР: сперва я, потом Н.С.Кардашев и В.И.Слыш, потом В.И.Мороз и, наконец, сам наш шеф. Все было согласовано между ректором МГУ и М.В.Келдышем.

Перевод отдела во вновь организуемый Институт. Директора у него, правда, пока еще не было. Зато был зам. директора, и не кто-нибудь, а сам Геннадий Александрович Скуридин. Энергичный, молодой с колоссальными связями в промышленности и в Академии Наук. Он был ученым секретарем при Комиссии по космическим исследованиям, председателем которой был М.В.Келдыш. В ОПМе у него на приеме министры сидели строем, дожидаясь поручений, заказов на научную аппаратуру. Он делил деньги, заводы, институты. Ему Келдыш и поручил создать наш Институт - ИКИ АН СССР.

В ИКИ наш отдел стал первым по числу сотрудников и по своей роли. Номер у него был третий. Что такое «первый отдел» да и второй - все и так знают. Отдел был большой, и каждый из нас стал зав. лабораторией, а я еще и зам. зав. отделом. Мы пригласили в отдел профессора Валентина Семеновича Эткина, который до этого работал в Педагогическом институте им. Ленина, а затем получили в наследство и весь отдел «Космических лучей», так как его заведующий—профессор Н.Л.Григоров не рискнул переходить из НИИЯФ МГУ в ИКИ АН СССР. Шеф сказал: «Возьмем их всех, но с условием заниматься лишь частицами с массой покоя, равной нулю». Появился, наконец, и директор - академик Георгий Иванович Петров из оборонного Института НИИТП. Мы много и успешно работали. Так как основные усилия Института были направлены на изучение Венеры и Марса (почему - особый и не столь простой вопрос), то доктор согласился и благословил В.И.Мороза выделиться в отдельный «Отдел планет». Впоследствии он также выделил и В.С.Эткина в самостоятельный отдел. Собственно, увлечение Г.И.Петрова планетными исследованиями (в первую очередь, Венерой) и явилось причиной наших разногласий с директором, человеком интеллигентным, добрым и порядочным. Мы же хотели заниматься «большой астрономией», галактиками, Сверхновыми, космологией, рентгеновскими источниками. С нашей же подачи в результате этих разногласий в ИКИ появился молодой и талантливый академик Роальд Зиннурович Сагдеев, бывший до того зав. отделом в Новосибирске в Институте Ядерной Физики у академика Г.И.Будкера и даже ректором Новосибирского Университета. Что-то у него на заладилась там с Герш Ицковичем (Андреем Михайловичем) Будкером, и он уехал в Москву. И.С.Шкловский с ним вполне сдружился, и после очередного конфликта с Г.И.Петровым Р.З.Сагдеев был назначен директором ИКИ. На Ученый Совет представлять его привез академик-секретарь нашего Отделения академик Л.А.Арцимович. Начинаясь последний акт пьесы «Мы и ИКИ». Как всегда, первые годы работы И.С.Шкловского и Р.З.Сагдеева были самыми успешными. Р.З.Сагдеев пригласил ЯБ с сотрудниками перейти из ОПМ в ИКИ, и возник новый отдел теоретической астрофизики с двумя лабораториями, одной заведовал И.Д.Новиков, другой—выросший за это время молодой и талантливый Р.А.Сюняев (в те годы мой и моей жены лучший друг). Все было прекрасно до того времени, когда отдел ЯБ разделился на два: в одном остался Р.А.Сюняев с секретаршей ЯБ Лорой,

во втором - все остальные. ЯБ четко занял позицию поддержки первого. Часть очень способных физиков и астрономов пристроили в ИТЭФ, часть еще раньше остались в ОПМ, а большинство, во главе с И.Д.Новиковым, мы взяли к себе в свой 3-ий отдел. Все его сотрудники были специалистами высшей квалификации и являлись абсолютно честными людьми, что для И.С.Шкловского было очень важно. Мы все активно поддерживали нашего шефа в этой его позиции. С этого и начался конфликт И.С.Шкловского с директором ИКИ академиком Р.З.Сагдеевым. В конце концов, вскоре после смерти Иосифа Самуиловича наш отдел был вынужден перейти в ФИАН, найдя там себе друзей и единомышленников. Кажется, что Доктор предвидел такой грустный исход.

Не могу сказать, что у доктора был легкий и покладистый характер. Он был достаточно вспыльчив, часто нервничал, мог накричать и натопать ногами, но потом отходил и признавал свою неправоту. Вечером он сам звонил мне практически каждый день и, если не упоминал о громком разговоре на работе, то это значило, что обида на меня забыта. Я же не мог и подумать о том, чтобы обижаться на него. Во всю расцвел его художественный талант рассказчика. Он стал писать свои новеллы-рассказы и приносил их к нам в Институт, иногда давал прочесть, иногда сам выразительно читал. Почти все его новеллы были опубликованы уже после его смерти. Их печатали в «Химии и жизнь», вышла отдельная книга «Эшелон»(1991 год), а в США—«Five Billion Vodka Bottles to the Moon. Tales of a Soviet Scientist» с его замечательными рисунками и предисловием известного американского астронома Герберта Фридмана - пионера рентгеновской астрономии. Сам он никогда не верил, что их можно будет когда-нибудь опубликовать. «Ну, что вы, скажет хозяйка, бояться автору нечего, он умер сто лет назад», пел он Галича. Было несколько новелл, которые как-то задевали самого «Господа-Бога» Л.Д.Ландау, а тем самым как бы и ЯБ, и Виталия Лазаревича Гинзбурга. Они становились известными «в широких кругах» астрономов и физиков. Доктор и не скрывал свои новеллы от читателей, даже печатал в стенной газете ГАИШ «Владилена». (Есть такая малая планета-астероид). Как и с выборами в члены-корреспонденты, повторялась история с выборами в академики. Его не выбирали, хотя все, я думаю, знали, что он по «Гамбургскому счету» является астрономом «номер 1» в нашей стране. Его выбрали в Американскую Академию Наук, Членом Королевского Астрономического Общества Великобритании, он получил очень престижную золотую медаль Тихоокеанского Астрономического Общества им. Брюс являлся профессором Парижского Университета. Но нет пророка в своем отечестве. Семинар наш в ГАИШЕ - плод его многолетних трудов, стал уже как бы и не нашим. Оставались книги, и он их мастерски писал. Помимо профессиональных «Солнечная корона», «Космическое радиоизлучение», «Физика Солнечной короны», «Сверхновые звезды», И.С.Шкловский написал три блистательных научно-популярных книги «Популярная радиоастрономия», «Звезды - их рождение, жизнь и смерть» и «Вселенная,

жизнь, разум». Все книги выдержали несколько изданий и были переведены во многих странах мира, включая Китай. А последняя была даже издана на языке Брайля для слепых. Доктор всю жизнь воспитывал нас, прививая хороший вкус к литературе, поэзии, живописи, кино. У него был замечательный нюх на истинное искусство. Именно он открыл нам Александра Исаевича, Орвелла, Максимова, Автарханова, Конквиста, Войновича, Фазиля Искандера, словом, «самиздат». Все годы совместной работы мы непрерывно обменивались этими книгами. Очень любил современное кино, и на время Московских кинофестивалей полностью выключался из работы. Будучи сам художником, он всегда водил нас в музеи, пояснял «трудные» картины и рисунки в тех городах, где мы бывали с ним вместе. Пожалуй, лишь серьезная музыка осталась вне его интересов. Второй или третьей его специальностью, я пишу это всерьез, были история, в особенности средневековая история Китая и Японии. Очень любил географию и прекрасно ее знал. Мог наизусть перечислить всех сёгунов, начиная с XVII века, или назвать все 51 штат США с их столицами. Знал все притоки Амазонки, Ла Платы и тысячи других вещей.

Шкловского всегда окружали интересные и талантливые люди: астрономы и физики, писатели и поэты, историки и литературоведы. Именно он познакомил меня с двумя людьми, ставшими для меня примером и символом астронома, ученого и гражданина. Я имею в виду Соломона Борисовича Пикельнера и Самуила Ароновича Каплана. Они и составляли вместе с доктором трицу лучших астрономов нашей страны, хотя расставлять баллы и ранги – дело, конечно, неблагодарное. С.Б.Пикельнер был его учеником и коллегой с 40-х годов, товарищем по Симеизской обсерватории. Он ценил его как лучшего астрофизика в Союзе. Более доброго, внимательного и отзывчивого человека я не знал за всю свою жизнь. Он безропотно читал и правил все мои статьи. После его переезда в Москву до самой его трагической смерти в 1975 году от банального аппендицита в Москве, мы работали с ним в одной комнате, вместе ездили отдыхать в Прибалтику и в его родной Симеиз. Вторым моим и моей жены близким другом стал Самуил Аронович Каплан, автор замечательных книг, написанных совместно с С.Б.Пикельнером. Он всегда жил у меня, когда приезжал в Москву из Львова, а затем из Горького. Я же неделями жил в его доме. Мы написали с ним несколько статей, он писал мне отзыв на докторскую диссертацию. С.А.Каплан был очень неординарен: отлично знал историю Востока, воевал на Ленинградском фронте, был замечательным лектором и популяризатором астрономии. Его перу принадлежат великолепные книги и статьи. Лучших научно-популярных книг я не читал. Как и Соломона Борисовича, С.А.Каплана не избрали в Академию Наук, что Шкловский считал чудовищной несправедливостью. Он много сделал для выборов С.Б.Пикельнера, но все было напрасно. Выбирали почти всегда не самых талантливых, а директоров и главных конструкторов больших «ящиков». С.А.Каплан погиб под колесами поезда, возвращаясь из Ленинграда в Горький после оппонирования диссертации.

Гибель С.Б.Пикельнера Иосиф Самуилович остро переживал. Он написал лучший его некролог и сделал эскиз памятника на его могиле...

Как всякий большой ученый, Шкловский выше всего ценил личную свободу и независимость. В одну из антисемитских компаний в 1953 году его чуть не уволили из ГАИШа. 17 лет по невыясненной до сих пор причине КГБ не пускало его за рубеж, хотя никогда никакой секретной работой (как, например, ЯБ и Андрей Дмитриевич Сахаров) он не занимался. Это было одним из самых серьезных его переживаний. Хорошо помню, как во время его первого инфаркта в 1969 году он лежал в Академической больнице, и я почти каждый день его навещал. Однажды, 5 марта, мы с женой Лидой вспомнили об этой дате, зашли в гастроном Универмага «Москва» и за 12 рублей купили бутылку французского коньяка «Наполеон». Доктор сразу отреагировал. «День смерти тирана - праздник» - сказал он и попросил достать еще две медицинские склянки для лекарств. Мы втроем разлили «Наполеон» и выпили тайком от медсестры за будущую свободу. «Первый шаг мы сделали 5 марта 1953 года» - поднял он тост. «А без первого шага не бывает и последнего», - добавил я.

К себе он был самокритичен и яснее, чем кто-либо из нас, понимал смысл всего вокруг нас происходящего в стране. В 1970 году в дни 100-летия со дня рождения В.И.Ленина он прочитал в нашем Райкоме КПСС лекцию о философских трудах юбиляра и современной астрономии. Когда впоследствии за столом он подшучивал или критиковал кого-либо из нас за участие в не очень, по его мнению, этичных поступках (например, систематическом хождении на овощную базу или чистку улиц ото льда и снега или поездках в подшефный совхоз «Виноградово» на уборку урожая кормовой свеклы), Лида доставала пригласительный билет на этот его доклад и, как судья в футбольном матче, молча показывала ему «желтую карточку». Он всегда добродушно смеялся и говорил: «Признаю, виноват, каюсь».

Он с громадным уважением и любовью относился к А.Д.Сахарову, с которым был знаком еще с 1941 года, когда они в одной теплушке эвакуировались с физфаком из Москвы в Ашхабад. Этот сюжет описан им в новелле «Квантовая теория излучения» в его книге «Эшелон». Доктор звал его Андрей (на «ты»), а Андрей Дмитриевич - на «вы» и по имени-отчеству. Во время их знакомства доктор был в 41 году уже аспирант, а Андрей Дмитриевич - студент. Когда КГБ арестовало диссидента Кронида Любарского - астронома, выпускника ГАИШ, Андрей Дмитриевич попросил Иосифа Самуиловича подписать письмо в Прокуратуру с просьбой ознакомить подписавших письмо с делом Кронида Любарского. Он, естественно, поставил свою подпись под этим письмом, что ему дорого стоило. После этого акта «государственной измены» его опять на много лет отлучили от международного общения, прекратив выпускать за границу. Даже к дочери, жившей в Болгарии, не пускали.

После второго инфаркта, когда он лежал в той же Академической больнице, одновременно там же проходили лечение А.Д.Сахаров и его жена Е.Г.Боннер. Вечером они собирались в палате доктора и часами разговаривали, переходя от науки к политике и опять возвращаясь к науке, пока дежурный врач не уговаривал их ложиться спать.

Его жизнерадостность и спортивный дух заражали всех нас. Он и в науке любил спортивный азарт, любил быть первым, лидером в своей области. В науке тоже ценил только результат, «забитые голы», а не финты и мастерское владение на поле мячом

Не отрываясь, смотрел хорошие футбольные матчи и боксерские соревнования. Очень любил поговорить «за футбол» с профессионалами, за которых считал лишь академика В.В.Соболева и моего сотрудника Леву Титарчука (теперь профессора Годдардовского Космического Центра НАСА в США, сотрудника Морской Исследовательской Обсерватории в Вашингтоне и профессора Университета в Ферраре в Италии). Переживал, что плохо плавает, хотя очень это дело любил. Много лет мы с ним ходили в бассейн МГУ. И.С.Шкловский на всю жизнь привил нам любовь к Симеизу, к Крыму, к морю. В 1956 году он первый раз привез меня в Симеиз (вместе с В.И.Морозом, Таней Мулярчик, П.В.Щегловым и В.Ф.Есиповым). До этого он много лет работал там по нескольку месяцев в году и считал директора Симеизской обсерватории академика Григория Абрамовича Шайна своим учителем наравне с Николаем Николаевичем Парийским. Мы много плавали в Голубом Заливе, тогда абсолютно пустом, играли на берегу в подкидного дурака и в шахматы, ходили на весь день в горы. Помню, как испугалась и возмутилась старожил Симеиза, астроном Эмма Семеновна Бродская, когда мы, «аспиранты-лаборанты», взяли профессора «за-руки-за-ноги» да и выкинули в море в одежде за прегрешения в карточной игре. Сколько счастливых дней мы там провели за почти 50 лет, прошедших с той поры. Тогда ему было всего 40 лет, а нам по 25! Так что нечего особенно пенять на жизнь, в ней были и хорошие минуты.

Шкловский был совершенно равнодушен к вещам и собственности, к одежде, всегда всем помогал деньгами, зная о чьих-либо трудностях и проблемах. Уже, будучи член-коррпом, он купил на станции Вельяминово по Павелецкой дороге дачу и последние годы жизни лето проводил там. Часто приглашал нас к себе, оставляя ночевать. Были у него там кот и собака Пульсар. Любил вкусно и с толком поесть, не торопясь выпить хорошего красного вина (больше всего ценил грузинские «Мукузани» и «Киндзмараули»). А до этого отдыхал, как теперь говорят, активно. Много ходил в походы, любил байдарку и совершил несколько трудных походов даже по Лене. Никогда не пропускал интересных конференций в Средней Азии, на Байкале, на Кавказе, не говоря уже о заморских странах. Последняя конференция, на которой я был с ним, происходила в Австрии, в Граце. После нее у нас было два дня отдыха в Вене. Приехав туда, мы с ним пошли смотреть этот чудный город. В.И.Мороз стал собирать компанию желающих пойти в художественный музей. Музей там, конечно, замечательный. Однако доктор сказал: «Что вы, Вася, посмотрите вокруг, Солнце, небо голубое, Венские дамы, а вы в музей смотреть потемневших от времени старинных живописцев. Жизнь кругом, чистота, цветы всюду, музыка играет». Мы пошли с ним вдвоем в парк, сели в тени, купили отличного мороженого и стали смотреть на венцев. Оркестр играл вальсы Й.Штрауса (как было написано, по оригинальным авторским партитурам), вокруг прогуливались пожилые дамы и старики с собаками. Осталась фотография, последняя в его жизни, которая у меня есть. Таким я его часто и вижу во сне.

И.С.Шкловский, А.Д.Сахаров и С.Б.Пикельнер покоятся на одном и том же Востряковском кладбище. Их могилы расположены в сотне метров друг от друга.